

Словоблудие

Колебания, зависимость и сдвиги –
возбудители хрупкой нервной системы

АНАСТАСИЯ ЛИСИЦА

Анастасия Лисица

СЛОВОБЛУДИЕ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43473207

ISBN 9785005019189

Аннотация

Пороки и слабости человечества превратились в ароматный смузи, который теперь предлагают витрины тщеславия. Люди научились создавать воздушные образы, прикрывая за ним истинное и такое пустое. Фильтры, декорации и ложные публикации захламляют девственные мозги, подаренные нам природой. Урбанизация, пробки, грязные сапоги и угрюмые лица творят бесконечный хаос, выдавая его за прогресс. Массы тем временем хлопают в ладоши и ставят лайки. Smoke и шумы смешивают каждого из нас в систему.

Содержание

АННОТАЦИЯ	5
Набухание	6
Грустный комик	15
Резиновый рот	17
Фидбэк	21
Feedback как наркотик или...	21
Тучная голова	26
Пятница. Чайки и чайкона	33
Марьяж для статуса	38
Либитина	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

СЛОВОБЛУДИЕ

Анастасия Лисица

© Анастасия Лисица, 2019

ISBN 978-5-0050-1918-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АННОТАЦИЯ

Пороки и слабости человечества превратились в ароматный смузи, который теперь предлагают витрины тщеславия. Люди научились создавать воздушные образы, прикрывая за ним истинное и такое пустое. Фильтры, декорации и ложные публикации захламляют девственные мозги, подаренные нам природой. Урбанизация, пробки, грязные сапоги и угрюмые лица творят бесконечный хаос, выдавая его за прогресс. Массы тем временем хлопают в ладоши и ставят лайки. Smoke и шумы, смешивают каждого из нас в систему, заливая глотки дешевым кофеином, в придачу с клубничными пирожками.

Набухание

Она очнулась абсолютно голой. На загорелом теле отражались лишь следы то ли от веревок, то ли от кнута. Трудно было

это распознать. Проснулась она от того, что холод пронзил ее тело по самые кости. Она огляделась, ничего не было видно,

лишь дикая тьма, да и только. Память, по-видимому, отказывалась воспроизводить былое. Она закрыла глаза, чтобы более

осознанно погрузиться в себя. Нужна была информация, чтобы двигаться дальше. Тщетно, пустота пространства, пустота

мыслей и все. Отвратительное состояние безликости. Хочется крикнуть, но голос отсутствует, хочется встать, но это невозможно. Все будто приковывает тело к бетонному столу, на котором лежит Лейли.

Я наблюдал за этим с обратной стороны стекла, которое было встроено в лабораторию. Она единственная, кто выжил в этом эксперименте. Мое, еще человеческое, нутро истекло кровью в тот момент, когда я делал это. Все, что происходило в лаборатории, делилось на несколько этапов. Я расскажу о них более подробно далее.

А пока начну с того, во что превратился этот мир, в котором мы с вами сейчас находимся.

Время потеряло ход событий, оно больше не управляло людьми, как раньше. Теперь это было похоже на вечный хаос,

о котором мы раньше слышали, но не видели. Это была борьба противоположностей. Целые армии, которые разделились

на два лагеря, поделив земной шар на пространство полов. Территории земли были помечены и размечены лазерными полосами, за которые переступить противоположностям было воспрещено. Все это было сделано для того, чтобы уберечь

себя от совокупления животных инстинктов, которых люди стеснялись и которые отвергали, как чуму или лихорадку Рифт-

Валли. Называйте все это как хотите. Но я лично видел, как происходит реальная борьба мужской и женской человеческих

особей. Зрелище не из приятных. Это не было похоже на исторические войны, о которых мы читали с вами в книгах

по истории, которые наблюдали в фильмах, снятых так ис-

кусно в век технологий. Нет. Это была новая эпоха, новый сезон.

Наша армия, номер С1456, находилась в горах, мы были спрятаны от глаз, потому что именно к нам отправляли добытый

материал. Речь сейчас идет о женских телах, именно так мы их называли. Наши цеха были созданы и оборудованы специально под их размеры, которые мы фиксировали годами благодаря первому этапу. Армия, которая их добывала, была

распространена по всем периметрам, прилегавшим к лазерной границе. Ловили мы самых проворных, которые обманым

путем пытались проникнуть на мужскую территорию.

А теперь расскажу, как и обещал, об этапах.

Первый этап назывался «Распознавание». Заключался он в том, что на каждого солдата полагался один материал, с которым он должен был обращаться аккуратно. Все повреждения списывались к браку, а брак — это системная ошибка,

которая лишала солдата статуса, автоматически ссылая его к ботам. О ботах мы поговорим позднее. Итак, первый этап —

это проба, этот этап, как считали многие, был самым непростым, особенно для молодых новичков, только прошедших

с обучения, без какого-либо опыта. Это проба, проба живого тела на вкус. Совокупление. Но я бы назвал это физическим

насилием, к сожалению, через это мне тоже пришлось пройти в начале службы. Зато сейчас я это делаю как конвейер.

Не испытывая страха, тем более каких-либо чувств. Материалы бывают абсолютно разные, как визуально, так и физически.

Поэтому этап совокупления включает в себя набор особых знаний, этим знаниям обучают каждого солдата из отряда

С1456. Но на практике полученных знаний не всегда хватает, приходится экспериментировать. Поэтому именно самые

проворные альфа-солдаты трудятся в нашем отряде. После пробы живой плоти присваивают статус. Они бывают разные:

«Бунтарка», «Одиночка», «Домохозяйка», «Нетрадиционная», «Инфантильная», «Сексуальная», «Рабыня».

На втором этапе работы мы вставляем в материал специальный чип, который блокирует произвольные действия,

эмоции,

характер и темперамент, превращая тело в роботизированный механизм. На этом этапе важно несколько дней следить

за объектом, чтобы организм не дал сбой, чтобы реакции организма не испортили тело. Иногда бывает, что женский иммунитет настолько сильный, что наступает исход, не выдерживая внутренней борьбы, отвергая инородный материал.

У Лейли с самого начала все было по-другому. Когда я ее тестировал, понял, что она ведет себя совершенно иначе, не как

все живые куклы. Она не сопротивлялась, а напротив, проявляла ко мне интерес как к мужчине. Со мной такого никогда

не случалось. Но, знаете, мой дедушка рассказывал, что раньше подобное взаимодействие между мужчиной и женщиной

было нормой. Они любили друг друга, жили на одной территории и успешно размножались. Дикость.

Я вставил этой девушке чип, она просто уснула. Никаких реакций, никакого физического мучения тела. Наблюдение за ней

на втором этапе заняло у меня часов пять. Через пять ча-

сов она проснулась с улыбкой на устах, будто с ней ничего не происходит, а лежит она в своей кровати. Такого сбоя я не ожидал, за мой многолетний опыт подобное случилось впервые. Нас не учили этому на лекции, никто не знал о том, что на втором этапе подобное может происходить.

Признаться, меня это завело в тупик, я растерялся. На первом этапе я присвоил ей статус «Рабыня». Этот тип самый

покладистый и выносливый. Но этот тип не проявляет вольностей, как правило. А тут было нечто иное. Эмоции. Мне стало

страшно, нужно было действовать предельно осторожно, чтобы не погубить материал и не получить статус бота, ведь это

лишит меня всего.

Ах, да, статус «БОТ», я обещал рассказать о нем.

Я упоминал раньше, брак – это системная ошибка, которая лишает солдата статуса. Статус – это все, что есть у наших

людей. Это права, это возможности и заработок. Боты – это никто, у них нет ни прав, ни имен, ни возможностей. Они безлики. Отбросы нашего, мужского общества. Они служат для экспериментов, прислуживают нам во всех сферах и выполняют самые грязные работы. Они не живут – они существуют и выживают каждый день. Питаются падалью

и обедами. Одно представление о том, что такое может случиться с солдатом, мотивирует подчиняться правилам. У нас

есть высшее звено, звено, которое управляет всеми армиями на территории. К этому я тоже вернусь позднее.

Нужно было переходить к третьему, завершающему этапу. Называется он «Ламинирование». В специальную форму,

которая подготовлена для определённого женского типа, заливается жидкость. Мы помещаем туда материал и закрываем

форму плитой сверху, там тело несколько часов томится. После чего жидкость впитывается в женщину и делает кожу упругой, навсегда блокируя моменты старения, сохраняя красоту и молодость навечно. Это самый безопасный этап, потому что тут сбоев практически не происходит, тела обезличены и запрограммированы, поэтому все предсказуемо.

Спустя несколько часов тела конвейерами поступают на ручную работу. Некоторых штампуют под копирку, меняя лишь

цвет глаз, тон кожи, цвет волос. А некоторых делают по спецзаказу. Для особо избалованных заказчиков.

Забыл упомянуть, для чего вообще существовали отряды

и фабрики. Мы тоже очередное промежуточное звено в цепи

системе, наверное, как и наше руководство, о котором я хотел вам рассказать, руководство, которому мы подчинялись,

также подчинялось «Закрытым группам». Эти группы никто из нас, конечно же, никогда не видел.

Я не мог сделать это с Лейли, у меня проснулось человеческое начало. Я начал чувствовать, как во мне бурлит гнев на себя, на систему, на то, в каком мире я живу. Мне стало жалко губить этот экземпляр, отдавать его каким-то

извращенцам, которые эксплуатируют целый мир под собственные желания. Во мне стала просыпаться личность, внутренний бунт поглощал робость и страх. Ко мне пришла в голову идея забрать мою Лейли и сбежать.

Пот охватил моё тело целиком, оно хаотично дрожало. Член набух так, что было больно вставать. Я открыл глаза: мрак

и духота. Я не сразу понял, где я.

Рядом со мной лежало тело, живое тело. Я нащупал выключатель, нервно врубил тусклую лампу и увидел комнату. Все в

мгновение упало, эмоции потухли. Рядом со мной была

не Лейли, а Марта. Привычная, пухлая и такая озлобленная на мир

моя Марта. Член сжался, а я посмотрел на будильник и вздохнул. Трудовая неделя начнется через несколько часов.

Фантазии сменит привычная лента скудного жанра и Марта.

Я погасил свет и отвернулся.

Грустный комик

На весь интернет СМИ трубят о том, что он до сих пор не женат, как прискорбно и низко, наверное. Журналы приглашают

жертву на интервью, предлагают огромные деньги за клоунату, временами он соглашается участвовать в шоу для слабоумных.

Потом наступает пауза!

После – тоска, которая сдавливает нутро, выживает все силы из тела, которые он дарит массам.

«Интересный путь», – скажет кто-то, сидя перед телевизором, благополучно запивая реальность горячим.

А вот ему так совершенно не кажется, в 45 лет он наконец-то осознал, что он игрушка голосований и рейтингов, которая

подсела на лайки.

На очередных гастролях по любимой родине ему откупорят дорогущую бутылку вина, выдавая ее за «ЛАКШЕРИ», хотя

любители и свободные путешественники знают ей истинную цену. Но только не он. Ведь сравнить не с чем, да и некогда,

нужно соответствовать!

Он мечтает о свободе, о пространстве, ох, снова тщетно.
График расписан на всю жизнь.

Бутылка заходит в уставшее тело со свистом.

Рука снова тянется к ленте. Подписки, лайки и мнимая
любовь словно бальзам. Завтра кучка журналистов в душном
офисе

напечатает очередную ложь и выдадут ее за прекрасное.

Комик на поприще чужих оценок продолжит путь, нари-
сованный подписчиками, чтобы не ударить в грязь лицом,
заявляя

о своей уникальности с экрана проклятого яблочка.

А что там, в номере 309 с президентским укладом и до-
рогим унитазом?

Все правила теперь диктуют приложения, созданные ге-
нераторами за рубежом.

Но родина по-прежнему не отпускает, страшно войти
в непонятное.

Прогресс остановился, как и его стремление ощущать
собственные желания.

Гонорары, признание и замыленность стёрли чувства
«ГРУСТНОГО КОМИКА», который так веселит и внушает
надежды

с плоских экранов.

Резиновый рот

С криком он влетел в шумное заведение китайской кухни. Массивным задом мальчишка запрыгнул на диван так, что люди

за соседними столиками подпрыгнули. Тучная мамаша начала орать на весь зал, направляя такую же Тучку на своё место.

Потные пальчики мальчика начали орудовать по страничкам потертого меню, мамаша тем временем орала в трубку, нарочно

привлекая внимание толпы. Понятно, что внимание нынче – дефицит, особенно у тех, кто давно перестал занимать себя собой.

Слова, словно крикание, слетали с уст мальчика... После чего, наконец, он определился с объёмом пищи. И заказал. Победа!

Обед – священное время для этой семьи, еда – это культ. Каждый день желудок растёт со скоростью света, аппетит набирает обороты.

И вот, наконец, принесли долгожданные рисовые чипсы. Пухлые ручки потянулись, засунув в рот огромную жирную чипсу.

Глаза забегали так, как не развеваются волосы на ветру. Одну за одной, без остановки.

И вот на горизонте ещё две сочные тарелки.

У мальчишки задержались ноги, руки судорожно застучали по столу.

Он не видел ничего, кроме тарелки. Схватил тарелку за края, забыв вымыть руки.

Священное чавканье счастья разнеслось по ресторану. Вокруг замерли даже младенцы. Закончив трапезу, он лизнул тарелку,

как пес, и потерял пузико. Мать тем временем продолжала набирать обороты. И вот, маленький столик отковали тарелки.

Жареные гнёзда, картошка фри и много жареной рыбы в кляре, а сверху – любимый салат «Цезарь» с курочкой-корочкой.

Слюни текли, глаза не поднимались из тарелки. Прощай, спорт, прощайте, дураки, выбравшие ПП*.

Новое поколение, новая эра зависимости – пищевой зависимости.

Как же больно было смотреть на мальчика, которому на вид было лет 12. Чавканье сбивало мои мысли, вера в человечество

умирала. Мать хлопала сыночку в ладошки, закидывая в свой резиновый рот жареную рыбку. Они веселились, сту-

ля

трескались, жизнь сокращалась. Но мгновение было по-прежнему бесценно.

Я отвернулась и закрыла глаза.

Все это ничем не отличалось от поведения животных. Моя кошка вылизывает тарелки с подобной любовью, при этом не создавая облаков отрыжки в пространстве.

Лет через десять этот мальчик придёт сюда снова, тушка в сто килограммов, но, скорее всего, не один. Это может быть по-

прежнему Мама – поддержка. Или невеста – прототип мамы. Мне неизвестно.

Я окинула взглядом семью в последний раз и пожелала им добра.

Отрыжка прозвучала на прощанье как благодарность.

Мальчик потер пузо, включил любимую передачу и уткнулся в айфон. Мама поддержала любимца, улыбнулась в ответ

и откинулась на шаткий и такой небезопасный для ее тела стул.

Пищевой оргазм скрыл все изъяны этого жесткого мира, мозг обманул безнадежное и такое резиновое тело. Тушки скрылись

за горизонтом.

— — — — —

* ПП – правильное питание.

Фидбэк

Feedback как наркотик или...

Майя посетила последнее интервью, сделала несколько завершающих селфи с работниками редакции и упала в кресло. Она

стянула со своих мощных ног каблуки, купленные на собственные деньги у французского модельера, и выключила основную

лампу освещения. Все фото, сделанные в конце дня, она быстренько выложила в сториз, чтобы заполнить собственный мир.

За окном яркие огни столицы, той самой столицы, в которую она рвалась, как и большинство.

На календаре значилась пятница, на часах стрелки показывали 9 PM.

«Что делать дальше?» – эта мысль, словно молния, проскользнула в ее голове, от чего сжался даже желудок. Она почти

ничего не ела, в рационе в последнее время сплошной кофе и крекеры. Кажется, она перестала чувствовать подлинные вкусы

пищи. Псевдоутоление голода, очередной обман самого

себя.

Прошла очередная сумасшедшая неделя, которую Майя натыкала всевозможными деловыми встречами, бесконечными

интервью, непонятными переговорами и сториз. Каждый день девушка доказывала подписчикам свою важность. Каждый день

сториз демонстрировали ее уникальность в этом мире. Милая Майя мечтала отличаться, мечтала о собственном офисе

и подчиненных. Все это у неё теперь было. Офис, в котором она проводила жизнь, кстати, купленный на собственные деньги,

заработанные потом и кровью.

Она подошла к огромному зеркалу, присмотрелась к своему лицу, окинула взглядом тело и ноги, упакованные в прочные

колготки. Лицо было сковано рамками, привычными действиями. И даже наедине с собой она не могла расслабиться, не могла

осознать, что она ещё молодая и по-своему привлекательная. Майя повернулась спиной, опустила взор на ягодицы, и тут

мысли разыгрались.

Она вспомнила, что личный телефон давно не демон-

стрирует признаков жизни, одиночество души и тела так въелись, что

больно. Все эти отфильтрованные фотки, тексты, написанные штатным копирайтером, которому она платила регулярную

зарплату за ложь, – сплошная бутафория, жившая в ее фантазиях.

Что делать сегодня вечером? Снова совокупляться с дорогим французским Шато года ее рождения. Что? Совокупляться

с предметами, работой и ложной виртуальной жизнью, вместо того чтобы заниматься жарким сексом с мужчиной своих лет.

«Нет, такое бывает только в инстаграмной ленте», – подумала она.

Девушка подошла к стеклянному шкафу, откупорила бутылку. Сняла чёрные колготки с утяжкой, которые урезали ее низ

размера на два. Далее все как в работе. Майя открыла Инстаграм. Зашла в поиск, и лента выдала ей красоту, моря и пары,

такие счастливые, такие неземные. С понедельника по пятницу инстаграмом управляла она, поднимаясь на вершину горы,

и жадно хохотала, окутывая «виртуашек» своим превосходством.

Но потом наступала пятница, и гора спускала девушку с небес. Открывая ей врата реальности.

Наконец, она жадно отпила глоток сухого, подарив мозгу дозу эйфории, после чего действия стали активней.

Неуклюжим пальчиком с кричащим наращиванием она продолжала проводить вечер пятницы в одиночку. Мысли зарегистрироваться на сайте знакомств пугали, как и реальные встречи с мужчинами. Ведь ни одного сексуального фото, ни

одного признака того, что она прежде всего молодая женщина, у неё не было. Как не было и опыта, такого бесценного и важного в молодом возрасте.

Она была отличным руководителем, успешной бизнес-леди. Счета в банках ломились, почти как шкафы от брендовых шмоток,

купленных специально для важных встреч, переговоров и фотосессий. Иногда море и острова, но все в одиночку.

Ограниченность мышления, замыкание во внутреннем мире, потеря связи с собой вводили Майю в депрессию. Жизнь шла

по кругу, который кружил голову и стирал реальное удовольствие. Бесконечная гонка за чем-то стирала натуральную красоту,

постепенно забирая молодость. Неделя за неделей одиночество и публичная суэта, вот на что была похожа ее жизнь.

Посмотрев на бутылку красного вина, Майя улыбнулась. Стянув с себя последние вещи, оставив лишь белье размера XL,

девушка распахнула окно. Вдохнув в себя осенний воздух вперемешку с выхлопными газами и человеческой лужью, она

прыгнула вниз. Приземлившись на искусственно засаженный газон, тело распласталось в форме счастливой звезды. Обычно

ночь убаюкивала зевак за телевизором, который орал по пятницам ещё громче, поэтому полет Майи не был замечен.

Гигантские здания скрыли ее человеческое тело до понедельника, пока не началась новая гонка на выживание. Остался лишь

маленький след в 1 900 публикаций, 50,6 подписчиков и 5 подписок.

Тучная голова

Утро заглянуло в ее дом неожиданно, она приоткрыла глаза, потрепанные временем. После взяла в свои мозолистые руки мобильный и обнаружила уведомление. Оказалось, что это совсем не то уведомление, которое она так верно ждала.

Миссис Фрогги перевернулась, на что кровать жалобно скрипнула и прогнулась под ее дряблым, засаленным телом. Опустив

пороссячи ножки в белые тапочки, она отправилась за собственной дозой растворимого. В доме витала атмосфера

одинокости и полной тишины.

К счастью, она была одной из немногих людей, окружавших ее, которые не имели привычки врубать гремучий ящик после

пробуждения. Вместо этого она наслаждалась тишиной стен и ранним пробуждением еще одного дня, который достался не так

легко. Да, ей мечталось о другом, но стоит ли сейчас вспоминать об этом.

Глоток, мозг ожил. Пора. Она открыла телефон и прочитала доброе сообщение, открыв фото абонента, она вздрогнула. Взору

открылись святящиеся лица, напротив СОБОРА ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИИ, с ее любимыми розами, которые она не получала

никогда прежде. Эта пара ослепляла красотой и счастьем. Но что они делают тут, пускай и в культурной столице? Она пролистала их страницу, прочитала предыдущие отзывы и не нашла никакой зацепки.

– Да ведь так не бывает! – воскликнула она и откинула телефон в сторону.

Почему-то это изображение искривило ее лицо, внутри себя она испытала демонические ощущения. К горлу подступил комок,

шею заломило, словно под весом. Она выдержала несколько секунд и снова зашла в это приложение, попав на собственную страницу – вранья.

Миссис Фрогги уставилась на свое изображение. Сложно описать, на что это было похоже, то ли на уродскую ведьму на искусственно желтом фоне, изображение, созданное в порыве эклектики. Либо образ, который сидел как заноза в глубине пустой души, этой «униженной и оскорбленной» женщи-

ны.

Она подтвердила их приезд. Время приема было назначено. Около 19~00.

Тучная Фрогги посмотрела на часы и обнаружила, что в ее распоряжении часов пять. Нужно было срочно себя чем-то занять.

К сожалению, этот вопрос убивал ее каждый час. Ведь, кроме переделанного чердака в лофт и HANDMADE-барахла, у нее

совершенно ничего не было.

Она пробовала SPEED DATING, TINDER и «Одноклассники», но тщетно. Ее личность служила лишь приманкой для мужских, да

что уж там скрывать, и для женских насмешек.

Надин Фрогги, как прозвали ее родители, не отличалась незаурядной внешностью, утонченным характером, скорее, напротив,

она была погружена в себя и вечно что-то скрывала.

Отец почти не занимался ее воспитанием, а матери не было дела: работа, бытовуха, дети и прочий удел нищего мышления.

Надин росла сама по себе. Не погружаясь в историю ее бо-

лезни, скажу лишь одно. Однажды гормоны дали сбой, то ли от стрессов, то ли от переживания собственной несостоятельности, массу комплексов и прочего состава. Надин опустила руки

и перестала бороться, вступив одной ногой в коварный лживый взрослый мир. Там она поняла, что сможет направить свою

энергию на достижение определенных целей, полностью
ПОЛОЖИВ САПОГ НА МУЖЧИН.

А мысли, знаете, материальны.

Так и повелось, женщина осталась с единственным сапогом, в полном одиночестве в захудалой квартирке на грани банкротства.

«Не бабье это дело», – говорили ей, но она не слушала.

В 18~00 Надин прибыла в лофт. Поводив усердно шваброй и тряпкой по скрипучему полу, она принялась мыть посуду, которую

еще месяц назад оставили гости. На скорую руку она навела внешний лоск.

19~00 – звонок в дверь. Надин поправляет свои короткие, почти выпавшие от стрессов волосы, натягивает очки на пухлую

мордочку и спешит к двери, переживая внутри гамму со-

циофобных мыслей.

Открывается дверь, и ее взору становится доступно «Счастье на пороге». Молодая красивая пара с улыбкой до ушей. Они

тянут свои ухоженные руки к ее потным полным рукам. Они смеются, смех разливается по всей парадной, а гнев Надин

выкипает из тучной головы. Внутри этой массивной туши запускаются неординарные процессы. Она начинает испытывать

гамму человеческих пороков, сливающихся с любопытством. Ядерная смесь подступает к ее мозгам, и она тупеет. В панике

она начинает демонстрировать им убогий лофт, собранный на коленках, потом вспоминает, что забыла постирать полотенца

с прошлого раза. Потом суета и бюрократия, которую, кажется, решило современное приложение, но только не для Надин. Она

никому не доверяет.

Пара не теряет улыбку, несмотря на суету и «промколхоз» от Надин. Проходит час, а пара по-прежнему за столом. Миссис

Фрогги требует внимания, которое давно исчезло к ее

личности.

И вот, наконец, все закончилось. Фрогги надо уходить, аргументов и фактов больше не остается, и она с грустью передает

ключи, с опаской в голосе, как обычно.

Пробираясь по льду, через крыши с сосульками, она сдерживает себя, дабы соленая слеза не покатилась по ее мощным

щекам.

«Кто я такая?» – орет ее разум внутри.

Пара счастливых, улыбки, искренность... все это никак не увязывалось в ее тяжелой, замыленной голове.

«Куда я спешу, пытаюсь создать важность своей фигуре?» Такие мысли возникали редко, но, если они и возникали, Надин

уделяла им особое место. Ведь это было как праздник: оливье, застолье, красный день календаря...

Наступило очередное утро, и Надин получила сообщение об отказе. В сообщении шла речь о дискомфорте и неопрятности

лофта, любимого лофта, единственного, что было в жизни у Надин.

Она успешно провела свой ритуал, закинула булку и растворимое пойло, натянула очки и села писать ответное письмо

на отказ. Зависть и слюни лились ручьем, злость и обида обволакивали горло прочным кнутом.

Надин было совершенно плевать на людей, ей хотелось экшена, важности и вовлеченности. Она была бизнесвумен от бога,

которая превратила свою жизнь и окружение в стадию «вечной деградации сушёной воблы».

«Подумаешь, еще один отказ. Да дебилы они все». Нажав кнопку «отправить сообщение в службу поддержки», миссис «Жаба» удалилась в постель.

Пятница. Чайки и чайкона

Одиннадцать утра. Кажется, уже наступила пятница, пока я смутно понимаю. Но, приоткрыв занавес, которым скрыты двери

Чайконы, становится очевидно: праздник под названием «Пятница» уже оживает. Оживают и чайки, которые с глубокой

любовью летят из последних сил на цифры из трех нулей на дебетовой, чтобы оживить настроение и получить еще один нолик

с любовью, а может и нет.

Музыка, как ее называют местные, «ЛАУНДЖ», становится все громче.

Я приехала, кажется, в понедельник, совершенно не ожидая такого скопления. Дороги были совершенно свободными,

и местность мне показалась достаточно интересной.

Дни прошли спокойно и непринужденно, но в четверг я стала замечать затвор и покраснения на картах онлайн. Черт, что бы

это значило?

Я потянулась, налила вкусный кофе, привезенный мной из Италии, включила любимую аудиокнигу. Через несколько

минут

по стенам проскочило эхо. Я вздрогнула. Поставила маленькую фарфоровую чашечку и прислушалась... Это был он.

Это был телевизор. Господи, как же давно мои уши не слышали эти мерзкие, чужие звуки дурмана, блокирующие личность

и прогибающие ее так развратно.

Звуки пронзили мой мозг, я поддалась гневу. Резко вбежав в ванну, я умылась холодной водой. Окинув свое лицо взглядом, я

улыбнулась.

Чайкона была единственным местом в пешей доступности, чтобы получить свой поздний завтрак, и, кажется, постепенно это

становилось весьма затруднительно: массовая атака поглощала со скоростью света.

Заторы, красные линии, музыка на набережной, урбанизация мозгов наступала.

Я выбежала в Чайкону со страшным голодом, предварительно засунув в уши наушники с медитацией.

Каждое утро было драгоценным, каждая минута моей жизни – бесценной. Поэтому я пыталась минимизировать внешние

воздействия.

Я ощущала себя белой-белой вороной среди прожжённой стаи дачников, чаек и бесконечных туристов.

Что ведет человека к столпотворению?

На входе меня встретила «мимффеточка» с прожжёнными волосами, взглядами и чаевыми.

Оценив мой скромный вид свободного писателя, она про-изнесла:

– Бронировали?

– Нет.

– Пойдемте.

Усадив меня за скромный столик, она исчезла.

Через несколько минут подбежала миловидная азиаточка, испорченная морально и культурно, кинув мне чайканскую карту.

Она была бесподобна!

В карте я обнаружила зрелищные картинки, идеально подходящие для «НЕМясоеда», а также доброе, скромное вино,

привезенное кем-то на скорую руку.

Тут не было души, зато ощущался поток.

Напротив – масса столиков. Мне запомнились несколько: первый – состоящий из главаря и двух чаек, второй – из чайки

и главаря, а третий – лишь из чаек, прилетевших с длительного тренинга, столик этот кишел шампанским и противными

устрицами, окутанными в лед, которые уже протухли, ведь везти их муторно из утробы. Зато инстаграмная лента соберет море

лайков за кадр во время ужина.

Я присела, толпа оглянулась. Я улыбнулась. И понеслось.

Клик. Клик. Вспышки ослепляют. Клик, клик. Фильтры на фильтры.

Счастье наполняет зал, чайки пьянеют, бакланы дурнеют. Кажется, скоро произойдет извержение.

ПОРА БЕЖАТЬ!

Я доедаю последний кусок, повсюду крики и музыка, которая убивает до глубины корней.

Я подставляю контактную карту, оплата проходит успешно. Мои ноги бегут сквозь пятницу, которую превратили в культ

«КИТАЙСКИХ дешевых башмаков на квадратном метре», и исчезаю.

А Чайкона ПРОДОЛЖАЕТ томить чаек в гремучем по-

токе, успешно наращивая обороты.

Прощай, столица!

Марьяж для статуса

Они назвали эту папку просто «Свадьба».

Ничего незаурядного тут не было.

Это было сделано, и точка.

А что потом?

Да какая разница.

Как к этому прийти? А этим inside они поделятся завтра, совершенно не осознавая собственных желаний.

Проф. фотосессия. Красивые слова и много амбиций на совместную жизнь.

Завтра все эти веселья наберут интерес у зевак, которые кликают своими пальцами от нечего делать, в пустоту, бессознательно создавая важность своими физическими массами.

Просмотры, клики и комментарии – вот настоящие двигатели прогресса.

От рождения до смерти.

Лайки стимулируют рост.

Утро наступит быстро, она ещё не успела смыть с себя макияж, сделанный по выгодной скидке.

Он поставит галочку над важным пунктом, привитым ещё не осознанной семьей, которая следует подобным ритуалам из поколения в поколение.

А разве можно по-другому?

Хм...

И вот все незнакомые гримасы сливаются в общем настроении, наступает тот самый прирост внимания, которого нам не добавили в детстве.

И оргазм.

Да, тот самый оргазм замещения человеческой пустоты. Он делает ещё один важный глоток горячего и смотрит в график

расходов. Затратно, но нужно.

Душу сдавливают нули, и он напрягается, но тамада орет в микрофон так, что трудно распознать собственные эмоции, а тем

более заметить страхи.

Она, кажется, не осознаёт ничего вообще. Какую роль играет ее тело и значимость в этих постоянных прямых эфирах и одобрениях. Кто она?

Она далека от социальных сетей, но он так близок.

Где равновесие, куда нажимать.

Увы, ее этому не научили. Из установок она запомнила

только одно: «Надо», «Надо выйти замуж». Твердили они,
ненавидя
весь мужской род.

О господи, опять музыка, выбранная родней. Что это? Что
делать теперь?

Она, словно манекен, повторяет за двоюродной тетушкой
жениха. Как бы следует танцам, выбранным ими.

Но стеснение...

Реальность начинается!

Пьяный брат жениха берет ее за локоть и свистит:

– Давай. Танцуй.

На что она открывает свои глаза оленёнка и бьется в одоб-
рении.

Танец беса обретает высоту.

Он наблюдает и снимает это в сториз.

Тем самым наполняя контент красными сердцами и смай-
ликами.

Счастье бесконечности возбуждает виртуальную аудито-
рию.

Аудиторию, которая выбирает тебя.

Реальная толпа продолжает поедать оливье, салаты и пи-

щу из женской диаспоры, которая больше всего требовала праздника.

Молодожены потерялись...

Счастье смешалось со свистом «Горько».

– НИЧЕГО. ПОТЕРПИ, И ЭТО ПРОЙДЁТ. ПОТОМ
СДЕЛАЕМ ПРАЗДНИК ДЛЯ СЕБЯ, А ПОКА ПУСТЬ ВСЕ
ЗНАЮТ, ЧТО МЫ ЕСТЬ.

–

Она кивает, и начинается медленный танец.

Но мама снова тут.

– Позвольте украсть жениха?

Куда? Зачем?

Она до сих пор не понимает.

Музыка раскрывается, раскрывается и счастье в лицах
пьяных гостей. Марионетки продолжают играть важную
роль. Сценарий

льётся рекой. Подарки начинаются.

Они стоят в центре внимания.

О Торт – О Бог!

– А кто съест большой кусок?

Тошнота. Но они едят, она, словно животное, открывает
пасть до предела.

– Вуаля, я главный в семье!

Лучшая традиция масс! Аплодисменты!

Жужжание...

Кто-то на уши диктует им правила.

Идёт приём денег, путёвок на океан и подгузников. Дешевые сувениры с дорогими этикетками зашкаливают. Никакой

оригинальности, а лишь идеи из сети.

Пора спросить... А хотят ли они?

Некогда. Нужно уложиться по времени, ресторан не резиновый.

Снова обряд.

Церемонии, суеверия, лапша и правила сковали двух людей.

Тем самым подарив мнимую значимость и обработанные фото на память. Миссия выполнена.

Толпа довольна, пьяная!

А теперь можно продолжать жизнь, похожую на искусственное дыхание голосов извне.

Либицина

«В сердце у каждого – своя Либицина».

«Плохая или хорошая – трудно понять, по каким критериям можно это оценивать», – думала она, наблюдая за тем, как толпа

умело следовала привычным обрядам – обрядам, которые людям навязали. Наверное, так легче – делать уже написанное.

Не надо думать – все решили за тебя. Не надо обсуждать это с покойником, учитывать его просьбы.

Последний кусок земли – от незнакомки с розовыми волосами, которую Анна видела впервые. Эта девушка явно не знала

покойника, но проливала слезы так, как не научат на курсах актерского мастерства. Кто пригласил ее?

Потом наступает новый «момент» суеты: люди единодушно начинают рыдать – словно дети, повторяя друг за другом.

«Осознают ли они, что случилось на самом деле? Или это очередная публичная, массовая постановка?» – прошептала Анна

себе под нос, продолжая наблюдать за толпой.

Вот выходит самая голосистая баба, с плечами дровосека, и начинает давать указания, в том числе родственникам.

Нет, ее не назначали на эту должность, она все решила

сама. Кажется, лишь потому, что однажды жизнь ее «покрылась»

серостью, плесенью и банальной скукой. Она кричит на мужа параллельно, тем же тоном, переключаясь на всех остальных.

Родственники умершего продолжают вглядываться в его холодное, чуть синеватое лицо. Нельзя с уверенностью сказать, что

именно они испытывают.

Анна делает еще несколько шагов назад, дабы не смешаться с дешевой буффонадой, и вдруг натывается на забор, осознавая,

что вся площадь покрыта этими высокими, острыми, одинаково безвкусными и такими бездушными оградками, которые

устанавливают покойникам живые люди.

«Зачем им заборы, зачем мраморные памятники, купленные за сумасшедшие деньги? Мне казалось, самое бесценное – это

память о них. Память, сохранить которую гораздо труднее, нежели организовать публичное скопище. Но нет. Даже тут людям

удается устроить соревнование – за лучшее место на кладбище».

На ноги наступают чьи-то грязные сапоги. Анна поднима-

ет голову, черная шляпа оголяет ее лицо, и она замирает.

– О, Анна. Примите мои соболезнования, – слезы стекают по лицу женщины, которая ни разу не зашла к, тогда еще живому,

человеку. Женщина обнимает Анну и рыдает.

Желание провалиться или исчезнуть нарастает. Анна молча кивает и скрывается от наблюдателей, которые не сводят с нее

глаз, провожая каждое ее движение.

«Ты пришла сюда, потому что эта женщина – твоя мама. Она придерживается другого мнения и тех самых традиций. Если ты

ее любишь, заткнись», – прошептала Анна себе под нос и сделала глубокий вдох.

– Хочу сказать несколько слов о покойнике. Он был замечательным человеком – добрым и верным мужем, любящим отцом

и дедушкой... – речь лилась, как слезы.

Анна пыталась вспомнить человека – хотя бы одного, – который навестил бы умершего при жизни. Может, пригласил в гости

или просто позвонил?

«Нет, не помню», – Анна опустила голову.

Кто-то снова пихнул ее локтем. Анна обернулась и увидела очередную незнакомую женщину. Grimаса на ее лице отдавала

такой пустотой, что сложно было распознать ее чувства. Но догадаться было нетрудно – она следовала настроению толпы.

– О, примите мои соболезнования, вам сейчас так плохо. Так плохо, наверное, – она повторила это несколько раз, а потом ее

мысли перетекли в неожиданное русло. – Как ты, Анна. Замуж еще не вышла? Давно тебя тут не было.

Отвратительность происходящего нарастала. Люди собирались в кучки, активно беседуя. Кто-то даже улыбался. Настроение

поднималось: все понимали, что продолжение будет за столом, за рюмкой горячего. Тогда можно будет «раскрыться» по-

настоящему, авось, и высказаться, если до этого дойдет. Чем не праздник?

Анна натягивала шляпу так усердно, что волосы скрипели, выдавая волнение девушки.

Кто все эти люди, зачем этот цирк?

Анна подошла к женщине в черном платке, склонившейся над гробом, обняла ее и сказала:

– Он не умер, он с нами. Это всего лишь тело. Разве ты не понимаешь?

– Да как ты можешь так говорить? В тебе совсем нет люб-

ви! Ни к кому. Тебе все равно.

Анна не стала спорить, поняв, что горе дает людям эмоции. Эмоции, которым так легко следовать. Опять же – не надо думать,

можно просто «впасть» в горе. Ведь окружающие пожалеют тебя, поговорят с тобой, погладят по головке и оценят твои

старания. Именно в такие моменты можно осознать свою причастность и нужность в этом бренном мире, который так

несправедлив к нам.

Гроб опустили в сырую землю. Началась суета. Каждый из сорока с лишним человек пытался прорваться вперед. Люди

отталкивали рядом стоящих. Гроб окружили. Анне не удалось подойти к дедушке ближе, да ей и не хотелось превращать свои

чувства в публичное достояние.

Она закрыла глаза и произнесла:

«Ты со мной навсегда!»

После этого девушка открыла видео на телефоне и стала с глубокой любовью пересматривать «живые» кадры с дедушкой,

вслушиваясь в его голос.

– Ты чего тут стоишь? – дернула ее за плечи тетка с выжженными бровями. – Нужно стоять там, где все.

«Даже на похоронах некая личность захотела решить что-то за тебя», – подумала Анна и улыбнулась.

– Уберите руки и занимайтесь своим делом, – сорвалось с губ Анны, после чего она отвернулась, поглубже вставив наушники.

Глаза полной женщины засверкали, горе сменилось на злость. Она стала похожа на падшего ангела, который еще недавно

божественно порхал вокруг тела и оплакивал его из последних сил.

Кто она? Какое отношение имеет к нашей семье, и почему главный организатор и одновременно самый близкий человек

умершего позволил прийти всем этим людям? Позволил им решать, какие будут цветы. Как все будет происходить. Кто сказал,

что так надо? Кто сказал, что он так хотел? Кто сказал, что это зрелище обрадовало бы его?

Это была мама Анны, давно потерявшая веру в свои мысли. Она слилась с чужими желаниями, организовав эти похороны

на последние деньги, которые, возможно, нужны были ему при жизни.

Поговорить с мамой не удалось: ее окружила толпа собиравшихся. Она принимала каждого и позволяла обнимать себя.

Зрелище было жалкое. Суета и возня, крики, ссоры из-за того, кому достанется честь привязать портрет и как правильно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.